

Коме. правда - 1991 - 23 окт.

Г. ХАЗАНОВ:

Чувство юмора покинет нас последним

ПОД конец он уж совсем не выдержал и сказал:

— Вы выражаете интересы хищно-потребительской массы.

И я с радостью согласилась. Пожалуй. Сама я так и не нашла бы столь точной формулировки для своего желания услышать, когда же, наконец, известный и любимый актер вновь свободно и легко рассмежит?

Вряд ли одной мне хотелось бы принадлежать к той части человечества, которая, смеясь, прощается со своим прошлым.

Но с первых же слов беседы с «веселой» темой пришлось распрощаться...

— Конечно, инерция мышления у многих наших людей очень велика, и поэтому старые мои работы, кассеты с моими записями прошлых лет будут еще долго слушаться, раскупаться. Но для меня самого это все уже невосвратимо. Создать что-то чисто смешное в нашем жанре сейчас может либо человек очень молодой, либо уже полностью выживший из ума.

У меня же сейчас состояние глубокой профессиональной растерянности.

Дело в том, что рухнула стена, возле которой мы провели всю жизнь. Мы стоим у руин. И все это имеет непосредственное отношение к моей профессии. Потому что моя профессия, как никакая другая, была нацелена на то, чтобы эта стена рухнула.

И я пока не знаю, как жить без этой стены, где вектор

творчества, а во многом и жизни. И поэтому я не выхожу на эстраду, реальных перспектив и очертаний того, что надо делать на эстраде, я не вижу сейчас. Я плохо представляю, с чем бы я вышел на сольный концерт. Меняется вектор, исчез однозначный противник. И, на мой взгляд, работа артиста этого жанра сейчас требует временной обстановки.

— Ваши сегодняшние настроения — результат августовских событий, многое в три дня перевернувших в стране?

— Дело в том, что я уже последние несколько лет испытываю большие затруднения в работе. Сатира — жанр, я бы сказал, однозначный, сатира всегда точно знает, кто враг и против кого она направлена. Я сегодня этого не знаю.

Еще до августовских событий, будто предчувствуя временное бездорожье, согласился на съемки у режиссера Николая Достала по рассказу Фазили Искандера «О Марат!» Это было не первое приглашение для работы в кино, но впервые в своей жизни я дал согласие. И это во многом связано именно с моей нынешней невозможностью выходить на эстраду.

Я живу среди тех же людей, в том же обществе, в котором самое ужасное и самое тяжелое сейчас — это состояние массового сознания. Такое нетерпение и нетерпимость при убогом образе жизни, а может, и благодаря

ему — это впервые. Только сейчас мы начинаем по-настоящему пожинать плоды октябрьского переворота. Только теперь, только после того, как потерпел поражение этот переворот, началась расплата.

Организм, который функционировал семьдесят с лишним лет, умер. Чтобы зажить снова, нужно заменить все члены, все органы. Но как? Просто мы должны понять, что нам выпала такая временная, историческая миссия, которая сравнима с состоянием тех, кто жил сразу после революции. Все, кто успел умереть до восьмидесяти пятого года, а родиться, предположим, после тридцатого, те люди, при всей тяжести жизни, прожили ее с внутренней установкой, той или иной, но четко выраженной.

— Геннадий Викторович, ведь сейчас вы фактически изложили ваше видение происходящего в стране. Нельзя ли было бы перенести это на сцену в вашем традиционном жанре?

— Все, о чем я сейчас говорю, является начинкой той пилюли, того лекарства, которое надо вынести на сцену в виде выступления. Как совместить все эти мысли с жанром, как придать этому смешную форму, как из этого иссекать юмор? Выяснилось: юмористическая оболочка отпала, осталась одна трагическая сущность.

— Ну так что же, вы нас с этой трагичностью и оставите?

Тут-то он и не выдержал, сказав про «хищно-потребительские интересы». А еще добавил, что никого он не оставляет.

— Просто иногда у каждого человека, если он занимается своим делом серьезно, наступает период, когда, может быть, полезнее помолчать, полезнее подумать, чем превращаться в машину по изречению хорошо или чуть хуже придуманных автором шуток.

Ведь возможности артиста на эстраде до такой степени ограничены. У него нет ничего, он выступает один. У него нет партнера — партнером является зрительный зал. У него нет костюма, его костюм — это костюм с улицы.

Значит, только полная готовность актера, человека и его наполненность чем-то — это и есть то единственное и конечное, что выходит на сцену.

— А в фильме что вы делаете?

— Пытаюсь играть главного героя. Это для меня постижение каких-то азбучных киноистин, я будто пошел в первый класс.

— И когда же вас смотреть на экране?

— Фильм должен быть готов к лету.

— И после фильма...

— Я же уже сказал. Я думаю, я ищу, я надеюсь.

Беседовала
Л. АЛЕКСАНДРОВА.